

Она заставляла плакать Ингмара Бергмана и давала автограф Элизабет Тейлор. Ее называли Страдивариусом танца, а совершаемое ею на сцене – макаровским чудом. В марте 2010 года легендарная балерина Наталья Макарова вернется на родину в роли почетной гостьи IX балетного фестиваля DANCE OPEN. В интервью «Стилю жизни» знаменитая танцовщица сравнивает Одиллию с блоковской Незнакомкой и рассказывает о «кордебалете березок» рядом со своим домом в Сан-Франциско. Галина Столярова

Страдивариус танца

■ Приглашение Dance Open пробудило в вас ностальгические настроения?

— Да, не буду скрывать: решающим фактором для меня стало то, что Dance Open — это петербургское событие. Я вспоминаю Петербург с нежностью. Но иногда вдруг и поражаюсь, как я могла жить в этом вечно промозглом городе, где зимой покрывались инеем ресницы, где я стояла подолгу, продрогшая, на автобусных остановках. А бесконечные очереди и толпы народа! Мы часто опаздывали на репетиции просто потому, что было невозможно втиснуться в троллейбус или автобус; бежали на уроки, буквально прорываясь сквозь толпу. Но я до сих пор считаю Петербург самым красивым городом в мире.

Безусловно, главный петербургский адрес для меня — это улица Зодчего Росси с ее классическим строгим стилем, где находится моя alma mater, балетная академия. Конечно, набережная Невы и Летний сад, и улица Чайковского, где я родилась, и Спасо-Преображенский собор, где меня, пятилетнюю девочку, тайно крестила бабушка. Екатерининский садик у Александринского театра — тоже очень памятное место. Сколько времени мы провели там между уроками!

Только в эмиграции (Наталья Макарова уехала в Великобританию в 1970-м, теперь живет в Америке. — Прим. ред.) я поняла, что больше всего на свете люблю русский лес. В начале 80-х, еще до перестройки, когда я считалась «невозвращенкой», одна из советских газет спросила меня, куда бы я поехала, если бы у меня была возможность вернуться в Россию. Я тогда ответила, что,

наверное, прямо из аэропорта отправилась бы в лес. Для позитивного настроения я устроила себе тут целый кордебалет березок у дома.

■ Как человеку, перетанцевавшему практически весь мировой балетный репертуар — от Мариуса Петипа до Джона Ноймайера и Мориса Бежара, — какая хореография вам ближе?

— Я дитя двадцатого века, и мне ближе всего неоклассика. А классические балеты, они, знаете, как хорошая, затертая от чтения старая книга, вроде «Дон Кихота» или «Войны и мира»: по истечении определенного времени ловишь себя на том, что фабула воспринимается иначе. Любимые книги никогда не надоедают. В каком-то смысле возвращение к ним служит проверкой твоей человеческой зрелости. То же и с партиями классического балета. На протяжении жизни я менялась как человек, развивалась как личность, и вместе со мной менялись мои роли. В моей жизни не было двух абсолютно одинаковых спектаклей.

■ Мексиканский тенор Роландо Виллазон признавался, что его сценические персонажи помогают ему найти выход из сложных жизненных ситуаций. Находитесь ли у вас место для ваших балетных персонажей вне сцены?

— Если я танцую Манон Леско, а «Манон» — один из моих любимых спектаклей, то каждый раз еще недели на две как минимум остаюсь французенкой.

Это касается и особой пластики, и манеры говорить — например, ловлю себя на стремлении быть полюбознее. Но когда я готовлюсь к спектаклю, я, напротив, по-

гружаюсь в образ, читаю вслух текст роли (Наталья Макарова играет и в драматическом театре. — Прим. ред.) самой себе или кому-нибудь из друзей и близких. Иногда слово помогает лучше, чем десятки репетиций на сцене.

Одним из самых трудных спектаклей для меня остается «Лебединое озеро». В музыке Чайковского очень сильна тема романтического томления и горечи от предчувствия того, что идеальной любви не суждено осуществиться в жизни. В Одетте меня всегда привлекало сочетание жертвенности и мудрости. Ее адажио — рассказ о пленении духа и в то же время о надеждах. Здесь все построено на символике. Героине уже известно, что ее любовь добром не кончится, и она, тем не менее, идет до конца. По-человечески мне это очень понятно и близко.

■ В оригинальной версии у балета Чайковского был трагический финал, а в редакции Константина Сергеева, которая до сих пор идет в Мариинском театре, торжествуют любовь и хеппи-энд. В чем для вас смысл финала «Лебединого озера»?

— Для меня главное, что в финале Одетта оказывается способной простить Зигфрида. Любовь пробудила в ней способность прощать, и в моем понимании это прощение сильнее смерти, оно как бы отменяет смертельный исход. В моей постановке «Лебединого озера» финал трагический — как это и звучит в музыке Чайковского. Герои могут соединиться только в другом мире.

С партией Одиллии мне приходилось сложнее. На поиск верной ноты ушли в

Наталья Макарова родилась в 1940 году в Ленинграде и начала свою карьеру в Мариинском театре

буквальном смысле годы. Дело в том, что в моей природе нет качеств роковой женщины, с ее vampirismом и чувственной агрессией, я совершенно не вписываюсь в образ, который называется *letzte fatale*. Ключом к образу Одилли оказалась для меня блоковская Незнакомка – загадочная чаровница, окутанная мистическим ореолом, возникшая ниоткуда и несущая в себе тайну. Она стала прообразом моей Одилли, играющей с принцем, чтобы убедиться в своей неотразимости. Для того чтобы добиться органики в танце, мне необходим психологический подход.

■ Таким подходом известен гамбургский хореограф Джон Ноймайер. Вы танцевали в его балете «Иллюзии как Лебединое озеро», где главным героем становится король Баварии Людвиг Второй – в реальности страдавший душевным расстройством и известный своей любовью к лебедям и прогулкам при луне. В этой трактовке ваша героиня превратилась в персонаж ночных кошмаров баварца...

– Моя приверженность к классическим балетам совершенно не означает, что я воздерживалась от экспериментов. Совсем наоборот. Меня очень увлекла эта постановка. Ноймайер предлагает неожиданный ракурс, рассказывая очень современную историю. Мне нравится концепция спектакля, особенно дуэты: балетмейстер создал двойника главного героя, проведя таким образом параллель с двойственностью партии Одетты-Одилли. На мой взгляд, это лучший спектакль. Он и поставлен, кстати, на другую музыку.

■ За что вы любите балет?
– Как ни странно, мне впервые задают этот вопрос! За поэзию, трансцендентность, символизм, неувидимость. Балет позволяет абстрагироваться от прозы жизни в обывательском смысле слова, уйти в другое измерение. Кроме того, тело способно передать тончайшие нюансы движений души, которые невозможно выразить в словах. Тело никогда не врет.

Самой большой ценностью для меня является возможность слияния с музыкой. Я очень дорожу подарком Сержа Лифаря, с которым я в свое время работала в Турине. Он преподнес мне свою картину с подписью «Страдивариусу танца». Я этим очень горжусь.

■ Вы могли бы назвать слова Сержа Лифаря лучшим комплиментом вашему таланту?

– Возможно, но были и другие моменты истины. Как-то после моего выступления в «Жизели» за кулисы пришел великий Ингмар Бергман. Помню, у него в глазах стояли слезы, и это тронуло меня до глубины души. Мы очень долго проговорили в тот вечер – о балете и о жизни вообще. Никогда этого не забуду.

В 1974 году я впервые поставила «Тени» из «Баядерки» в Американском балетном театре, где было очень трудно работать, поскольку там нет классической традиции, разные школы и надо было начинать с самых азов. После спектакля один из критиков назвал увиденное макардовским чудом. Мне это очень запомнилось.

Однажды после спектакля «Лебединое озеро» в вашингтонском Кеннеди-центре ко мне в гримерку заглянула Элизабет Тейлор и попросила у меня пуанты с автографом. Это было неожиданно и тоже очень приятно.

■ Каким было ваше самое сильное балетное впечатление?
– Я была потрясена, увидев, как в фильме-балете «Ромео и Джульетта» Галина Уланова в страстном порыве бежит через всю сцену к монаху Лоренцо. В этом беге стремительно двигалось все – тело и душа в одном неудержимом порыве. Эта сцена, увиденная в мои первые годы в Мариинском (тогда Кировском) театре, врезалась мне в память на всю жизнь. Вы не представляете, как трудно балеринам бегать на сцене – бежать эмоционально, красиво, страстно, выразительно и при этом не выходить из роли. Это прекрасно удавалось Улановой, и ее образ вдохновлял меня всю мою жизнь. ♡

Балет Джерома Роббинса
«Другие танцы»